

О боевом друге

Менее известна другая сторона биографии этого замечательного человека. В годы Отечественной войны юный Вольф, добровольно вступив в Красную Армию, бок о бок с советскими войнами участвовал в боях с фашистами. Будучи военным переводчиком при штабе и политотделе бывшей 47-й армии, в одной из дивизий которой я командовал ротой 82-миллиметровых батальонных минометов, Конрад Вольф вместе с нами прошел свой трудный боевой путь по задымленным фронтовым дорогам от предгорий Кавказа до Эльбы, до Победы.

У меня было несколько встреч на войне с товарищем Конрадом Вольфом. Наиболее памятной осталась первая, о которой я хочу рассказать.

Еще во время боев под Ковелем, в Западной Украине, от проезжавших на передовую корреспондентов мы узнали, что в политотделе нашей армии служит молодой лейтенант-немец, сын известного писателя-антифашиста Фридриха Вольфа, эмигрировавшего с семьей в Советский Союз из Германии после прихода там к власти нацистов.

Под Ковелем встретиться с Конрадом Вольфом не пришлось. Видеть и узнать его ближе мне довелось лишь зимой сорок четвертого в Польше, когда, достигнув с боями Вислы, наша дивизия стояла в обороне под Яблонной — небольшим городом, севернее Варшавы.

Поздним декабрьским вечером мы, командиры рот батальона, сидели в просторном, жарко натопленном блиндаже комбата Бирюковича. Докладывали о ротных делах, решали вопросы, которых за день накопилось предостаточно.

В углу зазуммерил аппарат. Маленький, веснучатый телефончик вскочил, словно ужалившийся. Передал трубку комбату.

— Вас, товарищ майор! С «Памира»...

Это был позывной штаба дивизии. Оттуда, минуя полк, на передовую звонили нечасто. Переговорив с кем-то по телефону, Бирюкович вернул трубку телефонисту и возвратился к столу.

Из политотдела армии к нам выехала группа офицеров с громкоговорящей установкой ПГУ. — объявил он и стал собирать со стола бумаги и записывать их в планшетку. — Провешать тут будут солдат противника. Приказано встретить и обеспечить эту работу на нашем переднем крае.

Замполит батальона капитан Костиков снял со стены автомат.

— Правильно, правдивая информация не повредит немецким солдатам, — сказал он. — Пускай пораскинут мозгами. Пойду встречать политотдельцев.

Возвратился Костиков через час в сопровождении троих офицеров: пожилого одетого в белый полушубок майора, высокого с синеватым шрамом

на подбородке капитана и среднего роста, молоденького, темноволосого лейтенанта в черном полушубке, перегнутом новой хрустящей португальской.

Прибывшие стали развлекаться. Ординарец Бирюковича поставил на стол чайник с крепко заваренным чаем, и гости, обжигаясь, выпили по кружке. Ближе всех сидевший к ним командир четвертой роты Саша Терехин пошептался о чем-то с приезжим капитаном, потом перебрался к нам в угол.

Имя выдающегося немецкого кинорежиссера Конрада Вольфа, создавшего талантливые фильмы, обогатившие экраны всего мира, — «Лисси», «Любовь и долг», «Профессор Мамлок», «Расколотое небо», «Мне было девятнадцать», «Гойя» и «Буш поэт», — широко известно в нашей стране. Каждая из поставленных им пент проникута любовью и сочувствием к простым людям, непоколебимой верой в торжество сил мира над силами зла, насилия и милитаризма. Он — бывший президент Академии искусств ГДР, член ЦК СЕПГ, лауреат многих международных и национальных премий...

— Вот тот лейтенант и есть Конрад Вольф, или Кони, как его все называют, — тихонько объяснил он. — Наш немец. Сейчас будет говорить по ПГУ.

В двенадцатом часу ночи политотдельцы стали одеваться.

— Всем по ротам! — приказал нам Бирюкович, также снимая со стены полушубок. — Усильте наблюдение за противником, укройте людей. На возможный огонь противника до конца радиопередачи не отвечать. Я буду в роте Терехина.

Мы гурьбой вывалили из блиндажа. Падал легкий снежок, поскрипывали где-то поверху ели, роняя в темноте на землю тяжелые шапки снега. В стороне Варшавы тяжело ухали разрывы, и по краю неба в той стороне пробегали багровые всполохи. На переднем крае расплывчато вспыхивали ракеты, слышалась редкая пулеметная перестрелка. Комбат и замполит повели политотдельцев к развалинам кирпичного дома, от которого к нашим траншеям вел широкий ход сообщения.

Я забежал в землянку на огневых позициях минроты, предупредил командиров расчетов, что сейчас начнется наша радиопередача для солдат противника и что открывать огонь до конца передачи строго запрещено. Потом вышел на воздух, остановился у поваленного снарядом дерева и стал ждать.

Я едва успел прикурить, как в стороне передовой послышалась музыка — Штраус. «Сказки Венского леса!» Плавные, чарующие звуки, неестественно громкие, разносились далеко окрест мощными радиорепродукторами. Кончается музыка, и сразу звонкий, знакомый уже нам голос лейтенанта Вольфа: — Ахтунг, ахтунг! Дойче зольдатын унд офицере!..

Лейтенант Вольф говорил о преступной сущности фашизма, о Гитлере и его клике, обманом заставившей немцев надеть солдатские шинели и по-

гнавшей их на восток грабить чужие народы. Говорил Вольф о катастрофе, постигшей фашистские армии в боях под Сталинградом и Курском, в Белоруссии и на Украине...

Потом он перечел несколько писем немецких солдат, находившихся у нас в плену. В них говорилось о человеческом, достойном обращении с ними, разоблачалась геббельсовская пропаганда и ложь о поголовном истреблении немецких солдат в советском плену.

Проходит пятнадцать минут. Двадцать! А страстный призыв лейтенанта Вольфа, усиленный по радио, гремит и гремит на переднем крае. И по-прежнему со стороны противника не раздается ни единого выстрела. Перестали даже вспыхивать ракеты.

Ровно полчаса длится передача. Конеч! И снова пластинка:

..Выходила на берег Катюша, На высокий берег, на крутой...

И тут — загрохотало, загрохотало все на переднем крае! Разрывы снарядов и мин слились в единый всеподавляющий гул, какой бывает лишь при артподготовке. Огневая дуэль продолжается минут сорок, после чего утихает так же внезапно, как и началась.

..Политотдельцы нечелович в блиндаже Бирюковича. Меня и капитана Терехина утром вызвал к себе комбат. Завтракали мы все вместе, как старые знакомые, шумно и весело. За завтраком лейтенант Вольф озабоченно спросил, были ли в батальоне жертвы от артиллерии, последовавшего сразу после радиопередачи.

— Какие там жертвы! — махнул рукой комбат и прикурнул папиросу. — Лошадь одну цапануло в хоззведе, вот и все жертвы.

Потом мы все вышли из блиндажа, чтобы проводить политотдельцев. От нас они направлялись в соседнюю дивизию, на участке которой планировалась следующая передача для немецких солдат.

Снег все сыпал и сыпал. Мы стояли у блиндажа и смотрели вслед машине, пока темный ее силуэт не растворился в снежной пелене...

Потом были ожесточенные бои за Варшаву, форсирование Вислы, выход на Кюстринский плацдарм на западном берегу Одера, с которого началось генеральное сражение за Берлин. Видеть товарища Вольфа мне довелось еще не раз, правда, на коротке, обычно на марше, когда приходилось

встречать грузовики армейского штаба и политотдела.

Затем была Победа. Конрад Вольф стал известным кинорежиссером, был избран президентом Академии искусств ГДР. Видя его на телеэкранах и просматривая поставленные им на студии ДЕФА фильмы, мы были счастливы и горды нашим боевым товарищем и однополчанином по бывшей 47-й армии. Хотелось от всей души сказать ему: «Мы видим и слышим тебя, Кони, твои однополчане и друзья! И желаем тебе новых творческих успехов, наш фронтовой товарищ!».

В 1975 году в Магаданском издательстве вышла моя книга «Почта полевая», в которой рассказывалось о боевых делах воинов 47-й армии, скромных и простых тружениках войны, с которыми довелось прошагать сотни километров по фронтовым дорогам.

После некоторых колебаний я все же решил послать книгу в Берлин, Конраду Вольфу в память о наших однополчанах, о совместной борьбе с фашизмом. Конечно же, хотелось также узнать, каким он стал, наш боевой товарищ Кони? Не позабыл ли пройденных вместе фронтовых дорог, остался ли все так же добр и расположен к людям, какой отпечаток наложило на него время?

Спустя месяц в далекий Магадан пришел ответ из Берлина! Листки теплого, взволнованного письма, фотография с дарственной надписью на обороте.

«..Я был искренне взволнован и рад твоей весточке! — писал Кони. — Ведь столько времени прошло. Встречались мы с тобой то во фронтовом блиндаже под Варшавой, то на пути к Берлину, и вот вспомнил же тогдашнего молоденького лейтенанта-немца! Фронтовые встречи сложили такие узы, что накрепко связывают друзей на всю жизнь...».

Переписка наша с товарищем Конрадом Вольфом продолжалась до недавней его безвременной кончины, опечалившей миллионы людей и глубоко потрясшей нас, его боевых друзей и однополчан.

Нет сегодня с нами товарища Конрада Вольфа. Но остались поставленные им замечательные фильмы, которые он завещал людям. Фильмы, призывающие к борьбе с силами войны и насилия, проникнутые верой в торжество справедливости и мира на земле.

Таким он был, щедрый и широкой души человек, преданный друг нашей страны, товарищ Конрад Вольф. Талантливый художник, интернационалист, гражданин и боец. И наш боевой товарищ Кони, которого мы все любим...

А. ЩЕРБАНЬ,
участник Великой Отечественной войны, член Союза журналистов СССР.